

силу, чистоту, благородную красоту порыва-подвига... **Надо суметь!** Россия остается... И не может пропасть страна, давшая миру такие кристально чистые человеческие образы, в которых все-все олицетворение тончайшей, вечно мятущейся души-совести!..

3. В одном из писем к Вере Гоц Семен Луцкий посылает ей такое стихотворение:

* * *

Мы заблудились без дороги,
Покинул нас великий Бог,
Направо – царские чертоги,
Налево – ленинский острог...
Как сон прошла весна золотая,
Погибли правда и любовь,
И стонешь ты, страна родная,
И всюду кровь, и всюду кровь...
Свобода – светлая невеста
Под белоснежной фатой,
Нет, не рабов среди ей место,
Ей нужны сильные душой.
А мы, бесславные потомки
Героев с пламенной мечтой,
Мы – бури жалкие обломки,
Мы – полунищие с сумой
Могли ли мы ее порыва
Святую чистоту спасти,
Мы были на краю обрыва,
Прости, о родина, прости!
Твоей тоски, твоих мучений
Мы недостойные сыны,
Свободы гибнет светлый гений,
А мы лишь сказочных стремлений
И лишь бессилия полны...

4/III.1919

И разъясняет: Одно добавлю: "бесславные потомки и полунищие с сумой" – это мы – молодое поколение. Старые сделали свое дело. Слава им! Молодые не смогли его завершить. Стыд нам!

4. Ю.Терапиано об этом периоде жизни С.Луцкого писал:

В Париже в 1925 году он стал одним из первых членов-учредителей "Союза молодых поэтов и писателей", был в составе его правления в течение многих лет и постоянно принимал участие в вечерах поэзии, устраивавшихся Союзом регулярно раз или два в месяц. Семен Луцкий принадлежал к тем поэтам, которые обратили на себя внимание как посетителей вечеров Союза, так и критиков и представителей старшего поколения зарубежной литературы. Он вскоре начал печатать свои стихи в "Последних новостях", в "Звене" и в других зарубежных изданиях и участвовал в редакционной коллегии сборников молодых поэтов и писателей.

5. Татьяна Алексеевна Осоргина принесла мне эти строки и всю корреспонденцию в 1977 г., когда я приезжала в Париж в связи со смертью отца.

Сильвия Луцкая

О скульпторе Сильвии Луцкой

Ада Бэннису-Луцкая
(Нир-Эцион, Израиль)

Об отце, поэте С.Луцком, я написала, желая сделать предисловие к его стихам. Не знаю, удастся ли мне написать и о моей маме... Я была девочкой, когда она тяжело заболела, и с тех пор до ее смерти в 1940 году я ее почти не видела... Я не успела с ней говорить так, как разговаривала с папой, которого я потеряла будучи уже сама бабушкой, и с которым у меня была глу-

бокая дружба и общий язык. И я знаю, что много утратила, не успев подружиться по-настоящему с мамой...

Она родилась в 1894 году в Киеве в семье Мандельберг. Отец ее был врачом, мать (сестра Льва Шестова) – пианисткой.

Высшее образование она уже получила за границей, когда семья бежала от большевиков. Она жила в Женеве, там изучала французскую литературу. Потом в Берлине, где занималась скульптурой и гравированием.

Попробую сделать, если не ее портрет, то по крайней мере – "набросок".

Вот я ее вижу, когда она, отправляясь на бал "Красного креста" в Париже (кажется, в пользу русских эмигрантов), подходит к моей кровати, и для меня она прекрасна как фея, в ее черном бархатном платье, с тонким ожерельем, с ее гладкой прической и нежной улыбкой.

Нежность мамы очень трогательно выражается в дневнике о развитии дочки, который она писала в течение нескольких лет: "Когда я кончала Семин бюст, деточка тоже 'лепила'... очень необыкновенные вещи /.../ окончив свои произведения, деточка расставила их на камине и говорит: 'Мамочка, это гномья жизнь, я определила!' Затем: 'Мамочка, отчего папа не учится художеству, как ты?' Я: 'Папа ведь поэт!' Деточка, подумав: 'Да, ведь это тоже художество, потому что стихи – красота!'"

Луцкая. Портрет Шестова. Гравюра

денег было немного). Сохранился бюст отца и бюст Сергея Андреевича Иванова, эсера и бывшего "шлессельбуржца" (он просидел в крепости... 25 лет). Бюст этот находится в Тургеневской библиотеке, в Париже. Он был выставлен в "Салоне женщин скульпторов и художниц", так же как и бюст, изображавший меня девочкой. "Бюсты г-на С.Иванова и Ады Луцкой невероятно выразительны, — писал критик André Pascal-Lévy, — и (что редко встречается в наших музеях) закончены до самых мелких деталей. Это говорит о том, что госпожа С.Луцкая обладает не только большим даром художника, но и глубоким знанием техники и творческой совестью, достойными большого уважения".

Сергей Андреевич часто у нас бывал. Он был большим другом сестры моей бабушки Веры Гоц и часто посещал "гнездышко" парижских эсеров на Rue Dagueau. У меня сохранился рисунок мамы, который изображает столовую-салон на Rue Dagueau. Мама в России, насколько я помню, была за кадетов, но потом, познакомившись с эсерами нашей семьи, за-

* "Этим я прославлюсь, я" (фр.).

горелась их идеями, благоговела перед этими идеалистами, для которых "сидеть" (в тюрьме!) было естественно, а не сидеть... почти что позорно!

Я помню выражение, которое мама употребляла, говоря о контакте с этими "лаическими святыми" — для нее это была "душевная ванна".

Интересно, что несмотря на ее социалистические идеи, в маме оставались светские привычки: она от меня требовала, чтобы, проходя мимо главной надзирательницы в школе, я делала "кникс" (никто из других учениц этого не делал!).

Это соответствовало другим "аристократическим" обычаям, которые были приняты в нашей среде: дамам, например, целовали руку.

Мама была очень скромным человеком. Вероятно, поэтому она редко снималась, и мало осталось ее фотографий. Из-за скромности она в обществе старалась не выделяться, и ее не знали такой, какой она была: ласковой, деликатной, очень чувствительной и полной скрытого обаяния. Папа хотел написать о ней книгу, но, вероятно, это было для него слишком тяжело, и он только писал о ней стихи, трагические стихи:

Ты помнишь? Над смертной постелью
Склонясь, я шутил и смеялся...
А ты, будто веря веселью,
Смеялась, но голос срывался...

За свою короткую жизнь маме досталось много счастья (редкий по взаимной любви брак, искусство, материнство), но может быть еще больше — страданий. Свою долгую, тяжелую, мучительную болезнь она перенесла с большим мужеством. И не меньше мужества проявил папа, ухаживая за ней. Любовь между моими родителями была такой, как редко бывает: "Семик родной, — пишет мама, — [...] поздравляю тебя с нашей первой светлой годовщиной, целую нежно, нежно [...] Помнишь, Семик, как ты стоял в передней [...] растерянный такой и только мог улыбаться, а потом начал что-то объяс-

С.Луцкая. Рисунок

С. Луцкая. Портрет дочери. Гипс

ливостью считала, что она не имеет права заниматься скульптурой, когда это не оплачивается, и что ее долг помогать папе зарабатывать на жизнь семьи. Поэтому она пошла в школу "Ecole du Louvre", чтобы стать гидом в Луврском музее. Она мне дала возможность "участвовать" в ее учении и таким образом я с ней "изучала" много репродукций в книгах по истории искусств, которые знакомили меня с картинами, рисунками, архитектурой и скульптурой. Но кроме этого мама меня водила по художественному Парижу (Монмартре и старинные красочные кварталы вокруг Сены), на выставки, где мы вместе восторгались произведениями больших мастеров.

Она привила мне свою любовь к природе, и мы вдвоем наслаждались снежными пейзажами в горах и красотой осенних лесов вокруг Парижа.

Мама любила и глубоко переживала музыку. Меня она первый раз повела на концерт, когда мне было лет 9.

Она ни к чему не относилась поверхностно. Несмотря на то, что наше еврейство она не подчеркивала, мама хотела, чтобы я сама могла выбрать свою дорогу в этом отношении. Она меня познакомила с Библией (я помню, как она сидит у

нять, посмотрел на меня и не мог кончить, и только рукой махнул, и все засмеялись и нас выгнали поскорее..."

Помню, как за несколько месяцев перед смертью, мама, будучи со мной одна в комнате, стала говорить о моем будущем. Эти минуты я никогда не забуду. Не забуду выражения ее черных глаз, которые были так полны света, что они мне казались голубыми... "Не делай той же ошибки, как я. Посвяти себя искусству. Будь художницей. Обещай это мне".

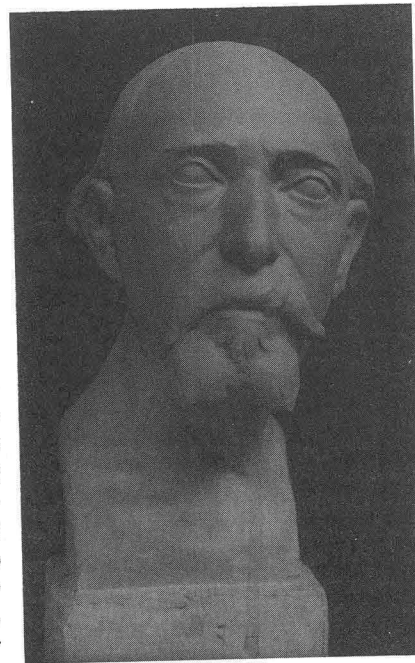
И я обещала...

В чем состояла "ошибка" мамы? В том, конечно, что она с ее обостренной совест-

моей кровати во время моей болезни и читает – по-русски – о создании мира). Когда мне было около 12 лет, она меня спросила, хочу ли я отметить "бат-мицву"* в синагоге, несмотря на то, что никто из нас в синагогу не ходил. Эта черта (ко всему относиться серьезно) у нее сочеталась с беспокойством. Она за всех волновалась, нервничала, если кто-нибудь опаздывал. Волнение это происходило от горячей любви и заботы о всех нас. Заботилась она и о незнакомых, о людях, которых встречала на улице: она могла не просто дать монету нищему, а пригласить его в кафе и угостить. Этим она напоминала своего дядю, Льва Шестова, о котором рассказывали в семье, что он однажды ушел из дому в теплой шубе, а вернулся без нее.

Папа и мама – два человека, которые в созвучии творили, любили и верили в красоту, в добро, в правду. Мама покинула этот свет до ужасов немецких преступлений. Папа пережил это время, но не потерял веру в человека и надежду на его совершенствование. Он остался верен тому, о чем писал в молодости:

*Одна есть радость бытия –
Возможность роста.*

С. Луцкая. Бюст С. А. Иванова
(Тургеневская библиотека
в Париже)

* Согласно еврейской традиции, 12 лет – возраст зрелости для девочки.